

Куколка Джой из Рода Кью

I. КАЛЕЙДОСКОП

16+

Истории, рассказанные в сумерках

ГАЛИНА ТЕВКИН

Галина Тевкин
Куколка Джой из Рода
Кью I. Калейдоскоп

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64772187
SelfPub; 2021*

Аннотация

Найдется ли где-то в бескрайнем космосе цивилизация, похожая на земную? А если найдется... Сумеет ли мы понять друг друга, найти общий язык? А, может быть, даже между представителями наших планет вспыхнет, поглотив их в своем пламени, любовь?

Ответы на эти вопросы мы будем искать вместе с героями этой истории, рассказанной в сумерках. Книга первая.

Содержание

I Калейдоскоп	4
Заза	16
Дуду	19
Мими	25
Шошо	33
Нене	43
Джиневра	53

Галина Тевкин

Куколка Джой из Рода

Кью I. Калейдоскоп

I Калейдоскоп

Музыкальная композиция «Болеро»

Жозеф Морис Равель

Не уверен, что эти записи нужны. Ведь, по сути, Кристалл – это я, и я – это Кристалл. Моя плоть, тленная часть меня, осталась дома, в Зале Теней. Моя сущность, мой интеллект, всё, что подразумевается здесь под этим словом, было перенесено в Кристалл. Именно Кристалл, запрограммированный в соответствии с Краеугольным Законом, определял продолжительность моего пребывания в теле «Хозяина». Он руководил своим переходом от одного лимитивного Хозяина к другому. В это тело я (пишу «я», подразумевая свою нетленную часть) попал по трагической случайности. Как ни всеохватывающи Правила Посещения, но даже в них невозможно предусмотреть все ситуации. Самолёт взорвался и рассыпался на многокилометровой высоте. В результате аварии тела пассажиров или то, что от них осталось, раз-

метало над поверхностью океана. Как случилось, что индивидуальная составляющая Кристалла оказалась именно в теле этого Хозяина, а накопитель и передатчик информации остались в самом Кристалле, придётся разбираться комиссии. Если таковая состоится.

Пока же, обдумав и взвесив всю доступную мне информацию, прихожу к выводу, что тело старика-рыбака станет моим последним Хозяином. Без Кристалла я не смогу вовремя ни поменять Хозяина, ни в заданные сроки вернуться домой. Конечно, отсутствие сигнала беспокоит Службу. Силы Особого реагирования придут. Кристалл рано или поздно будет найден. Но в нём они найдут лишь уже переданную информацию и то, что удалось зафиксировать в момент аварии. Передать информацию об аварии выведенный из строя Кристалл уже не мог. Мне же, то есть моей сущности, интеллекту без поддержки Кристалла долго не продержаться. Закон не разрешает подавление или замену интеллекта Хозяина. Инспирируется параллельное существование сущностей. Мы не хотим, чтобы о нашем присутствии, нашей работе, наших посещениях стало известно. Таким образом, Хозяин не догадывается о дублировании и не должен помнить возможные связанные с этим ощущения. В моём, критическом, случае я сознательно пошёл на нарушение Закона и Устава. Мне пришлось полностью изолировать сущность Хозяина. Это ведёт к огромным энергозатратам и сокращает срок моего личностного существования. Но выбора не осталось.

Несколько восходов назад Кристалл начал блекнуть. Реанимировать его невозможно. Во всяком случае, в одиночку и теми средствами, которыми располагаю на данный момент я.

Сейчас Кристалл трудно отличить среди розовато-лиловых сердоликов под слоем искрящейся утренней радостью воды. Я последний раз здесь, на берегу укромной бухточки, где волей случая той ночью проверял свои сети старик-рыбак. Надо прощаться...

Но я всё ещё чувствую его присутствие... Так чувствуют уход близкого человека, родной души. Такой болью отзывается разрыв энергетического поля. Мне придётся какое-то время жить одному. Без поддержки, без связи. И я не знаю – эти данные меня никогда не интересовали, зачем? А теперь уже поздно и не у кого спрашивать – сколько смогу удержаться в теле Хозяина. Но с потерей Кристалла я лишился, что, конечно, очень важно, не только энергетической поддержки. Я потерял возможность «записывать» (!) собирать информацию. То, для чего меня послала Служба, – моя работа, моя задача выполнены не будут. По этим причинам и решился я нарушить Устав. Я хочу успеть кое-что сделать. Возможно, именно записи будут найдены, прочитаны и поняты. Выбрал я для них «общий язык». Нет уверенности, какому народу и до какой стадии развития удастся продолжить своё существование. Найдут ли они Кристалл? Смогут ли разобраться в его функциональной поломке? Смогут ли получить заключённую в нём информацию? Поймут ли её? Как интерпрети-

руют?

Непросто решить, с чего начать.

Поскольку мои проблемы начались и обусловлены прекращением штатной деятельности Кристалла, начну с него. Не вдаваясь в технические подробности – в них и у нас разбираются избранные гении, – скажу, что Кристалл – вершина развития нашей цивилизации. Благодаря ему стали возможны казавшиеся ранее фантастическими длительные проекты и программы. Одним из них является Служба. Это один из самых привилегированных и глобальных проектов. Его задачей является изучение и понимание жизни гуманоидов в самых различных сегментах космоса. Быть Служащим этого проекта – огромная честь. Многие с раннего детства мечтают и готовятся к этому. Но немногим удаётся попасть в элитные подразделения Службы. Мне повезло – среди избранных в Зале Теней ждёт и моё тело.

В Кристалле сосредоточена вся связанная со мной информация. Всё, что я вижу, слышу, переживаю, о чём думаю, сохраняется в похожем на небольшой кристалл или камушек устройстве. Кристалл не только собирает и сохраняет информацию, он является своеобразным индикатором моего физического здоровья и эмоционального состояния. Вероятно, трудно вообразить жизнь под постоянным контролем. Но к этому привыкаешь. Тем более что Кристалл «рождается» одновременно с тобой и все окружающие живут в симбиозе.

зе с подобными Кристаллами. (В случае экспедиций Службы и других важных проектов Кристаллы их участников модифицируются и усовершенствуются в соответствии со специфическими требованиями.) Предпочитаю с самого начала подробно, насколько это возможно, рассказать о некоторых своих и нашей культуры в целом особенностях. Из приобретённого здесь опыта знаю, что жители данной планеты живут по несколько иным «правилам». (Тем важнее нам узнать и понять эти принципы.) На мой взгляд, эти различия не должны вызвать тотального недопонимания и отторжения. В конце концов, я выполняю свой долг – продолжаю записи. По техническим причинам они не могут стать донесениями. Но это не причина пренебрегать своими обязанностями.

В этом теле мне трудно сосредоточиться. Приходится не только подавлять сущность Хозяина, но и следить за совершенно немислимой моторикой. Поэтому еще несколько отступлений. Время в нашей части галактики течёт по несколько иным законам. И я надеюсь, что моё физическое тело, дремлющее в Зале Теней, дождётся моей сущности. Наша Служба направлена на разработку и поиски средств и плацдармов спасения в случае чрезвычайной угрозы. Поэтому она является главным, определяющим фактором жизни Планеты. В Уставе Службы один из главных пунктов гласит, что за прекратившим передачу Кристаллом незамедлительно высылается спасательная экспедиция – Силы особого реагирования. Силы особого реагирования и Силы Посеще-

ния, к которой принадлежу я, всегда тесно взаимодействуют. Они находят и эвакуируют уснувший Кристалл. Вместо него внедряется новый. Новый Служащий заменит меня на этом посту.

Пока же мой Хозяин – пожилой рыбак. Надеюсь, мне будет достаточно комфортно в его неуклюжем теле. И его навыки помогут мне выжить в одиночестве. Впервые я остался один. Без связи, без поддержки Кристалла я довольно уязвим. Быстро сориентироваться в новой для меня действительности будет непросто. Но главное, я постараюсь, я обязан быть рядом с Кристаллом. В любой момент смогу проверить его состояние, принять необходимые меры для его сохранности. Я буду на месте, когда появятся Спасатели. Надеюсь, я принял правильное решение. Возможно, оно не единственное. Но ничего лучшего придумать не могу. Единственное совершенно точно – без помощи Кристалла мне не покинуть тело этого Хозяина.

Пока выживание проходит успешно. В теле этого Хозяина мне гораздо комфортнее, чем в женском теле последнего Хозяина. Даже в этой трагической ситуации нашлось что-то хорошее. Приютивший меня Хозяин – мужчина, как и я. Почерк у него отвратительный. Этим мозолистым пальцам не часто приходилось братья за перо. К сожалению, я не нашёл никаких средств записи информации, кроме допотопной перьевой ручки. Это создаёт дополнительные проблемы. При-

дётся заняться поисками чернил и бумаги. Весь имевшийся запас пожелтевших от времени листов я истратил на изложение несистематизированных мыслей корявыми буквами.

Тело Хозяина, как и следовало ожидать, сохранило свои безусловные инстинкты. И до ближайшей рыбацкой дере-
вушки я добрался относительно свободно. Некоторая труд-
ность представлялась мне в общении с местным населением.
Но старик Хом, в теле которого я против своей, да и его, во-
ли очутился, оказался угрюмым и неразговорчивым индиви-
дуумом. Посему никто не удивился ни моему нелюбезному
поведению, ни отказу «пропустить стаканчик». Как я пони-
маю, это было приглашение на поглощение дозы алкоголя.
Я ещё не знаю, как в данном Хозяине алкоголь может отра-
зиться на моих мыслительных способностях и памяти. Сна-
чала придётся проверить это в одиночестве.

А вот хозяйку лавки, в которой продаётся всё – от рыбац-
кой иглы до пачки заплесневевшего печенья, – мне удивить
удалось. Покупка Хомом – моя покупка пачки бумаги для
писем – вызвала на её одутловатом лице неопишемое выра-
жение. Но, видимо, насмотревшись и не на такое, она быст-
ро отвела плутоватые глаза. Выводы от посещения посёлка:
1. Физические навыки Хозяина не утеряны. Я могу их кон-
тролировать. 2. Меньше общения – меньше риска. 3. Если
понадобится ещё бумага – её следует искать в другом месте.
В лавке я забрал единственную пачку. 4. Следует подумать
о способе получения денег – условного эквивалента матери-

альных ценностей.

Судя по всему, покупка бумаги истощила запасы Хома. Пока мне не удалось найти в его доме никаких «монет», кроме тех, что я отдал за бумагу. Возможно, женщина в лавке обманула меня, запросив непомерную цену. А мне надо думать и о пище – физическое тело Хозяина нуждается в энергии, и о том, что после моего «ухода» старик Хом не должен остаться ни с чем.

Мне снова пришлось прерваться. Функционирование Кристалла позволяло фиксировать события и передавать мысли, не отвлекаясь на хозяйственную и прочую подобную деятельность. Сейчас же я только могу описать, как искал в небольшой, сложенной из плохо отёсанных валунов хибаре подходящее место для небольшого сейфа. Почему-то я был уверен, что таковой у Хома имеется. В какой-то момент от физической усталости я ослабил контроль над телом Хозяина, и оно само привело меня к незаметной щели между валунами. Мне пришлось отодвинуть колченогий топчан, расковырять за ним спрессованную, запёкшуюся глинистую землю. В тряпичном узелке оказалось достаточно (на мой взгляд) монет разного достоинства. Я их пересчитал. Взял на удачу несколько, как мне кажется, небольших по стоимости. Остальное так же тщательно и аккуратно спрятал. Хому виднее, какие нравы царят среди местных жителей. Этих монет, надеюсь, хватит на первое время. Нашёл я и еду. Она, как и питьё, оказалась довольно неплохой. Если я почти ужилась с

физическим телом Хозяина, то и вкусовые пристрастия Хома я смогу принять. Впрочем, выбирать не приходится.

Так же как оно указало мне месторасположения тайника с деньгами, тело Хозяина подсказало мне, где и как Хом добывает средства к существованию. Поглощённый неприятностями, связанными с Кристаллом, и не имея никакого опыта по полному замещению Хозяина, я долгое время не обращал внимания на физическое состояние тела. Наконец, сильный, всепоглощающий голод Хома заставил меня поглотить ужасающее количество пищи. Вместо прилива сил и бодрости моей реакцией – реакцией тела Хома – стала апатия и вялость. Вот в этом-то состоянии (теперь я запомнил его и буду имитировать по мере надобности) почти полной потери контроля Хозяин вывел меня к лежащей на берегу вверх килем рыбацкой лодке. Рядом развешаны для просушки сети. Без помощи Кристалла будет непросто овладеть рыбацким делом. Но тело Хозяина мне поможет. Теперь я в этом уверен. И научиться обеспечивать себя всем необходимым то время, пока не придут Спасатели Службы, я точно смогу. Здесь довольно быстро темнеет. Я ещё не разобрался, каким видом освещения пользуется Хом. Неожиданная мысль – а есть ли вообще у местного населения искусственное освещение – обескуражила меня. Придётся поторопиться. Укладываться спать первый раз в темноте – плохая идея. Я должен быть готов в любой момент времени к любым неожиданностям. Надо успеть передвинуть топчан и найти принадлеж-

ности для сна. Ночь обещает быть холодной.

Сон на новом месте, точнее, в новом теле был тревожным. Сознание Хома пыталось преодолеть плотный занавес щадящей защиты. Когда придёт время покинуть физическое тело Хома-Хозяина, у него не должно остаться даже намёка воспоминаний о моём присутствии. Весь этот период запечатлется, возможно, как состояние недомогания или лёгкой усталости. Кристалл упрощал для меня соблюдение этого одного из Главных законов из свода Правил Посещения. (Слова, которыми мне приходится описывать сложные процессы нашей работы и наши моральные установления, не могут передать всю их глубину и сакральную сущность. Даже во всеобщем языке ещё нет соответствующих им аналогов. Это то, что я и пытался объяснить, только лишь приступая к записи «вручную».) Не хотелось бы слишком подавлять личность Хома, но я не имею права ослабить личный контроль. Эти мысли не доставляют мне радости. В подобной ситуации я лишаяюсь и полноценного ночного отдыха. Придётся учитывать и этот фактор.

Завсегдатаев кабачка и хозяйку лавки удивило моё вторичное появление. Событыльники не очень удачно постарались не подать виду. А вот женщина и не пыталась скрыть любопытства. Её интересовало, не заболел ли я вчера или не недопил вчера, раз явился на следующий день. Придётся приоткрыть сознание Хома. Без Кристалла я не могу выяснить основные моменты его существования. А полностью

разрушать его «легенду» своими несоответствующими поступками или словами не позволяют ни Правила, ни простое сострадание. Хому – настоящему Хому – рано или поздно придётся вернуться в своё тело. Земляки не должны считать его душевнобольным. Возвращаясь к хозяйке лавки. Мне кажется, что удалось, не вызывая особых подозрений, выяснить и имена постоянных друзей-собутыльников Хома, и то, что Старина предпочитает покупать, есть и пить. Кроме того, что более всего важно, хозяйка согласилась заказать у своего поставщика несколько наборов писчей бумаги. Запасы товаров у неё кончаются, и она ждёт посыльного через несколько дней. К моему разочарованию и огорчению, выяснилось, что тогда она только сделает! заказ, включающий и мою просьбу. Товар, так она назвала это, будет получен через несколько недель, максимум – месяц!!!

Ещё важная для моей теперешней жизни информация: посёлок получает энергию по пиратскому отводу от высоковольтной линии. Связь с остальным миром возможна по единственной телефонной линии. Работает она крайне плохо. И всего один телефонный аппарат находится в доме самоявленного главы администрации. Он же возложил на себя обязанности шерифа посёлка. И мне придётся во всём этом разбираться! Насколько Кристалл облегчал жизнь и работу! Я принял решение выпить немного алкоголя с приятелями старины Хома. Это должно приглушить активность моего мозга. И я смогу узнать необходимые для лучшего внедре-

ния и выживания факты из жизни Хома.

Но прежде необходимо выбрать сети. Позволяя телу распорядиться собой, я поставил их до зари. И тот же инстинкт подсказывает, что улов нельзя передержать. Вернулся с полной корзиной, судя по всему, не совсем качественной рыбы. Пора прекратить тратить время и энергию на подробные описания каждого шага, всякой ерунды. На данном этапе гораздо важнее получить жизненный опыт старины Хома. Решено! Иду пить алкоголь с его друзьями!

Заза

Боль нарастала и утихала. Она волнами обволакивала тело, поднимала её к самому мощному, самому грандиозному, самому великолепному девятому валу!

– Кричи, кричи! Будет легче, – уговаривала сердобольная сестричка.

– Тужься! Не ленись, – приказывала до смерти усталая акушерка.

Заза слышала и не слышала и их голоса, и другие звучащие в отдалении звуки. Она и понимала, и не особо вдумывалась в то, что творится вокруг неё. Обычная жизнь обычного роддома. Она уже на специальном кресле. Рядом врач, акушерка, сестра... сколько их... Всех Заза не видела, но чувствовала присутствие каждого. Они что-то делают. Привычно и сосредоточенно стараются ей помочь, направляют работу её тела. Но Заза как будто и не понимает, о чём они говорят. Всё, что происходит вокруг, все много раз воспроизведённые и выверенные действия медицинского персонала – это не касается её. Всё это где-то там, снаружи. Она сосредоточена на том, что внутри неё. Заза в том, что происходит в ставшем удивительным, абсолютно незнакомым её собственном теле. Она прислушивается к каждому крохотному изменению в тоне мышц, к едва заметному усилению или уменьшению напора тока крови. Главное же, ко всё

сильнее, активнее двигающемуся в её чреве кому-то. Все девять месяцев с того момента, когда ощутила присутствие в себе этого кого-то, Заза прислушивалась. Сначала с долей изумлённого любопытства, даже подсмеивалась над собой. Находя ситуацию довольно странной, но даже приятной. Потом... Потом – всё больше и больше привыкая, приравнивая к этому кому-то. Заза перестала замечать, вернее, выделять его жизнь, его присутствие внутри себя. Им было комфортно и радостно вдвоём. Она понимала, теоретически знала, что рано или поздно им придётся расстаться. Существо, которое она носит, которое защищает и питает собой, должно будет зажить отдельной, своей жизнью. Всё это Заза знала, ко всему этому она готовилась. Но... Когда пришёл этот – тот самый – момент, она растерялась. Терзающая тело Зазы боль была нестерпимой. Но боль от осознания, что они расстанутся, что этой теснейшей, всепроникающей связи уже никогда не будет, – эту её трагедию ни с чем невозможно было сравнить. Это-то и отнимало последние силы Зазы. Она тихонечко стонала – на крик, как ни уговаривала сестричка, сил у неё не хватало. И всё-таки физическая боль была ничем, была несоизмерима с тем, что она переживала. Мощный всплеск душевных, ментальных сил поднимал Зазу над гасящим сознание валом боли. Она сама, её душа были в недостижимом, необъяснимом, сияющим светом безмолвия. Всё как будто застыло, остановилось. Блаженное единение с бесконечностью, чистотой и светом, то, что никогда больше

не повторится, испытала Заза за миг до того, как раздался слабый, как будто мяукающий звук. И всё пришло в движение, зазвучало, запахло, заболело, заговорило.

– Поздравляю, мамочка. Прекрасный парень, – услышала Заза и потеряла сознание.

Дуду

Дуду хотелось плакать. Очень хотелось. И он поплакал бы. Но никого вокруг не было. Были, конечно, другие люди. Вон силуэты здоровых мужиков на самом краю каменистой косы. Но какой интерес им плакать? Только засмеют. Или чего доброго, отберут удочку и банку с червяками. Он так их вечером копал! Ууу... Вот если бы рядом была мама. Да и ей как поплачешься. Дуду с таким трудом уговорил её. Мама никак не хотела отпускать его с пацанами на раннюю рыбалку. Как всегда, значит, была права. Но ему так хотелось!!! Во дворе только и разговоров было о том, как сходили, кто сколько поймал. Мальчишки сравнивали удилица, лески, блёсны, спорили о качестве червей. Дуду они не замечали. Мало того что малец, так ещё и пришлый, новенький. Он им «не показался». Дуду с мамой переехали в этот дом года полтора назад. Так уж случилось, объясняла, как будто оправдывалась, мама. Так надо было, как будто открывает страшную тайну, объяснял мальчишкам Дуду. Но народ в этих старых проходных дворах был «тёртый». Их не проведёшь. И скоро вся ватага с большими или меньшими подробностями знала историю Дуду и его матери. Как выяснилось, знали они даже больше, чем сам Дуду. И поскольку почти у каждого из них была своя, ничем не уступающая его случаю история, пацаны, в конце концов, приняли его. «Не

тушуйся, мужик, – подбодрили Дуду. – Тут почти у каждого отец ещё тот ***». Какие были у пацанов отцы, мама, густо покраснев, так и не объяснила Дуду. Но строго-настрого запретила с ними дружить. А с кем дружить? Не сидеть же целыми днями в их малюсенькой комнатке. И на кружки, ни на один, Дуду теперь не ходит. Было нечестно и некрасиво напоминать маме об этом, но так хотелось туда, во двор, к пацанам. И мама сдалась. А Дуду позвали рыбачить! На ранний клёв! И не просто позвали: один из пацанов – Авторитет – даже отдал Дуду удочку своего старшего брата. «Пользуйся, мелюзга». И хоть он обозвал Дуду мелюзгой и удочку не подарил навсегда, а дал лишь попользоваться, Дуду был страшно горд и счастлив. Удочка была прекрасная! Всё в ней было великолепно! И удилище, и леска, и блёсны, и поплавки! Авторитет дал Дуду всё!!! Вот только мама ужасно расстроилась. «Я разрешила тебе с ними общаться. И только. Ни о какой рыбалке речи не было!» Она приказала Дуду отдать это лакированное чудо обратно Мишке. Так на самом деле звали Авторитета. И Авторитет, кстати, совсем не имя. Долго и слишком подробно объясняла мама. И ещё она сказала, что опасно, что совсем не стоит водиться с тем, у кого брат сидит. А тем более, брать у такого человека подарки. Дуду привык, что мама умная. И всегда, ну почти всегда права. Он привык её слушаться и не огорчать. Но тут... что-то было не совсем так...

Во-первых, ему нравился Авторитет, хорошо, пусть Миш-

ка. И мама его плохо знает.

Во-вторых что плохого в том, что человек сидит! Они и сами всегда сидят!

Вот это о Мишке и его сидячем брате, немного поразмыслив, и сказал Дуду маме.

Уже было поздно, почти ночь, и для этого Дуду пришлось разбудить маму. Ведь заснуть он никак не мог, пока не прояснит эти частности. Мама не обижалась, когда Дуду будил её по важным вопросам. Только просила делать это пореже. Дуду и сам понимал, что маме теперь приходится слишком много работать, и старался не мешать ей отдыхать. Но сегодня было по-настоящему важно. Мама сначала почти рассердилась и расстроилась. Но когда поняла, о чём ей толкует сын, начала то ли плакать, то ли смеяться. В конце концов, мама объяснила несколько обескураженному новыми знаниями Дуду, что значит сидеть. Но после этого мама признала, что глупо судить о человеке, даже не познакомившись с ним. Авторитет был, можно сказать, оправдан. Но главное – и Дуду не пришлось об этом ещё раз просить – мама разрешила ему пойти на рыбалку. Пусть она назвала пацанов ребятами, пусть было одно маленькое условие, но разрешила!!! Да и условие было пустячным! Подняться утром, чтобы пойти на рыбалку, Дуду должен будет сам. Мама не будет его будить. «Ну и я сам приготовлю и соберу все принадлежности!» – с радостью подхватил Дуду.

И вот через несколько дней, когда немного «побазарив»

о том о сём, пацаны решили, что на следующее утро пойдут рыбачить, Дуду попросился с ними. «Возьмите его, братва», – согласился-приказал Авторитет Мишка. Сам он пойти не мог – дома возникли проблемы.

Вообще, когда Дуду слушал «базар» своих дворовых друзей, ему казалось, они пересказывают друг другу истории, подобные тем, которые читала ему мама. Только истории были пострашнее. Хорошего конца как-то не чувствовалось. Да и слова, то, как рассказывали они, энергично жестикулируя, вскакивая, сплёвывая, показывая своё презрение и решимость, перебивая друг друга, сильно отличались от книжных слов и эмоций. Да, никакие истории: ни бедняжки Козетты, ни детей подземелья, ни сиротки Реми – по своей жестокости и правдоподобию не могли сравниться с тем, что так, между прочим обсуждалось во дворе. Дуду и сам любит пофантазировать. Может пересказать любую историю так, будто она случилась с ним. Но такое... «Хорошо, что мама не читала ему эти книжки», – сказал себе Дуду. Он решил не пересказывать ей эти жуткие истории. Дуду жалел свою вечно спешащую и усталую маму. Раньше она выглядела гораздо лучше. Не надо ей лишний раз расстраиваться.

Вчера вечером Дуду с трудом дождался, когда мама вернётся с работы. Она всегда теперь приходила поздно. Иногда так поздно, что Дуду не только ужинал в одиночестве, но и шёл спать, не дождавшись её. Вот и в этот вечер он успел подогреть и съесть свой ужин, вымыть и поставить на место по-

суду, в который раз перепроверить и переложить всё необходимое для утренней рыбалки. Поискав ещё, чем бы заняться, Дуду приготовил себе постель, немного подумав, поставил на стол чистые тарелку и чашку. Пусть мама тоже поест, когда придёт. Жалко, у них нет ничего «витаминного». Маме бы не помешало. Ей надо получше следить за собой. Дуду ужасно хотелось спать. Но он должен был договориться с мамой об утренней рыбалке. Хоть она и согласилась «теоретически» (было много слов, которые Дуду не совсем верно понимал), сейчас речь шла о конкретном походе на рыбалку и конкретном дне. Он в который раз пересмотрел альбомы со своими и мамиными детскими фотографиями. И чего только в них находит мама! Полистал Толковый словарь Ожегова и заснул, наконец, над Оксфордским английским. Дуду точно знал, что может обрадовать его маму! И конечно, она его не очень ругала за то, что он до сих пор не спит. И поблагодарила за накрытый к ужину стол. И разрешила – что уж с тобой поделаешь – пойти утром на рыбалку!!! Только ты встаёшь сам. Не преминула напомнить мама.

И вот Дуду подскочил ни свет ни заря... Путаясь в темноте – он совсем не хотел разбудить маму – кое-как оделся, схватил ломоть хлеба с повидлом и сыром (мама всё-таки позаботилась о нём) и выбежал во двор. И вот – никого! Они не стали его ждать! Он опоздал! Дуду побежал. Он знает куда! Он догонит! Он найдёт пацанов!

Солнце ещё не взошло, но уже не темно. И видно всё пре-

красно. Дуду впервые встал так рано. Обычно его будила мама. И даже иногда, убегая на работу, оставляла полусонного в постели. Дуду никогда не видел рассвет. Тем более рассвет на океане. Он огляделся. Солнце должно вот-вот появиться откуда-то немного сзади и справа. Все признаки: и наливающаяся тёмным светом мгла, и стыдливые всполохи на противоположной стороне неба, указывают на это. А само небо? Оно каким-то образом отделилось от океана, совершенно неразличимого от него по цвету, и начало светлеть. Как так получается, что прозрачный, невесомый, порождающий голубизну цвет неба перламутровым сиянием покрывает прозрачной дымкой притихший океан – удивиться Дуду не успел. На какой-то миг, из-за горизонта, в том месте, откуда, по его предположениям, должно было показаться солнце, вырвался похожий всполох пламени, зелёный луч! Всего один быстротечный, ускользающий миг! Видел ли кто-то?! Дуду оглянулся.

– Эге-гей! – кричали ему, размахивая удочками пацаны. – Ты чего нас не дождался?

Как и положено, растворяя алостью остатки тьмы, не давая усомниться в своём сияющем величии, поднималось солнце.

Мими

Она проснулась от стука в дверь. Полусонная, Мими ступила босыми ногами на тёплые доски паркета. Щедрый солнечный свет позднего утра отпечатал на полу оконный проём, и она, лёгкими шагами переступая с одного прямоугольника на другой, поспешила к двери. Как обычно, не задумываясь, кто там. И как обычно – не заперто. И как обычно – не дожидаясь приглашения, Коко уже на пороге. Он смотрит на Мими, не в силах отвести глаза. В пронизывающих её, как будто насквозь, лучах солнца тоненькая ночная рубашонка не в состоянии ничего скрыть. Ладное молодое тело Мими излучает такую непередаваемую, притягивающую прелесть. Коко с трудом отвёл глаза и вспомнил для чего, собственно, он здесь.

Их пригласили...

Мими и не подумала одеться. Коко – старый друг. И чего притащился в такую рань? Это она ему и высказала, снова забираясь под лёгкое одеяльце. Окончательно смутившись, Коко в нескольких словах пересказал приглашение и ушёл. Мими ещё полежала в постели – так, из принципа. Но спать уже расхотелось. А просто так валяться она не любила. Да и с раскрытым диваном-кроватью небольшая комната выглядела не очень опрятно.

И что это вдруг случилось с Коко? Совсем ненадолго забеспокоилась Мими. Её больше занимал вопрос – кто будет на «отвальной» вечеринке. Их общий товарищ уходил в плавание на несколько месяцев. Вот Коко и зашёл договориться пойти туда вместе. Обычно он просто заезжал за Мими по дороге на какое-нибудь мероприятие. Именно сегодня ему вздумалось договариваться? Мими вспомнила странный взгляд – будто увидел её впервые – своего друга. Да ладно, потом разберусь. Как от всего, что касалось Коко, отмахнулась Мими.

Как обычно, Мими долго выбирала, в чём пойти, вертясь перед зеркалом, меняя один наряд на другой. Наконец, под облегчённый вздох Коко – он обречённо одобрял все выкрутасы Мими, она вернулась к очень простенькому, но подчёркивающему все достоинства её фигуры платью.

Они, как водится, опоздали. Специально знакомить их со всеми гостями никто не собирался.

Знакомьтесь сами! Это вам не званый приём. У нас демократия! Коко сразу же устроился у импровизированной барной стойки. После того, как он утром побывал у Мими, им овладело непреодолимое желание выпить. Её «переодевание» ещё усилило это чувство.

Он стоял в группе оживлённо разговаривающих парней.

Странно, Мими знала или думала, что знает, всех друзей виновника торжества. Но Его она точно не знала.

Хоть она и старалась об этом не думать, утренний взгляд Коко беспокоил её. Она знала, что произошло что-то, что-то изменилось в их отношениях, и не хотела, ни за что не хотела этого. Ей не нужны эти сложности! Обычно они приходили и уходили вдвоём. Все, наверное, считали, что они вместе. Это вполне устраивало Мими. Ни один непрошенный, навязчивый кавалер не мог претендовать на её внимание. Для чего этот спектакль был нужен Коко, Мими не задумывалась. В отношениях с Коко Мими вообще никогда ни о чём не задумывалась. Коко делал всё, что она хотела. Какие вопросы? Но на этой вечеринке Коко был ей не нужен. И уходить с ним Мими категорически не хотела. Когда они только пришли, Мими как-то странно подумала о том, что что-то должно случиться.

Мими, конечно же, не собиралась первой ни с кем знакомиться. Будь то сам... не важно кто! Но она нет-нет и поглядывала в сторону незнакомца. Не на него самого, конечно, а в сторону тех всё ещё вместе над чем-то смеющихся парней.

Отвальная удалась. В их распоряжении оказался дом с большой, выходящей в запущенный сад верандой. Было много лёгкой выпивки и тяжёлых закусок. С музыкой всё тоже

совпало. Вот только ускользнуть незамеченной оказалось не очень просто. Мими отчаянно не хотелось уходить с Коко.

Как так случилось – она не заметила, как незнакомец оказался за её спиной, – Мими не поняла. Хотя сейчас главным было не это. Он назвал Мими своё имя, нисколько не беспокоясь, расслышала ли она его в общем гуле голосов. И крепко сжав запястье, пригласил, скорее, потащил танцевать. Если бы даже хотела, Мими не смогла бы позвать на помощь Коко. Оттуда, где он сидел, плохо был виден этот конец комнаты. Да и шум уже стоял невообразимый. Но она просто не хотела помощи. Не хотела звать ни Коко, ни кого другого. Мими хотела этих рук, этих не позволяющих заглянуть в себя глаз. Они протанцевали ещё несколько танцев, переходя из комнаты в комнату, из одной толпы полупьяных весельчаков в другую, пока не оказались на веранде, а потом и в саду.

Где этот Коко? Сколько можно напиться?

Кто-то другой медленно и с неохотой возмущался в голове Мими. Сама же Мими вся была с Ним, была для Него. Её губы, тело, самые сокровенные уголки были для Него – на, бери. Но Он не брал. Медленными шагами, не спеша, осторожно, как опытный искуситель, Он овладевал её телом, сердцем, её душой. В какой-то момент Он чуть отступил. Мими вырвалась, убежала. Из сада – на веранду, с веранды – в комнаты. Ничего и никого не видя, стараясь только не столк-

нуться с кем-то из уже хорошо «нагулявших» гостей, Мими выбралась на улицу.

Машина Коко кособочилась на тротуаре – на парковке места для неё не осталось. Вряд ли Коко сможет сегодня сесть за руль. Если бы даже смог, Мими не хотела его видеть, вообще никого! Она возьмёт такси.

Всю дорогу, и ещё дома под душем, и ночь в душевой постели Мими думала о том, что ничего о Нём не знает, что не удосужилась узнать даже номер его телефона. А он почему-то не попросил её. И думала, что если Он захочет, то сможет её найти. Память услужливо подсказывала, у кого и как Он сможет о ней узнать.

О том, что Он с ней делал, что она разрешала с собой делать, Мими запретила себе вспоминать. Это казалось странным и немного смешным даже ей самой, но Мими всё ещё была девственницей. Она до сих пор не встретила того, кто пробудил бы в ней какие-то особые чувства и желания. Мими и выглядела, и вела себя достаточно свободно и раскованно. Но никто из их выпендрёжной компании снобов даже не пытался завести с ней «отношения». Вот для чего нужен был Коко! Все считали их парой.

Практически всегда и везде они появлялись вместе. Коко безропотно исполнял все капризы Мими, защищал её в рис-

кованных ситуациях, в которые она нет-нет, да и попадала. В общем, Мими жила свободно, не задумываясь ни о чём. И менее всего, никто бы из их окружения не поверил, думала она о Коко. Его Мими принимала как что-то само собой разумеющееся. Что-то абсолютно постоянное. О существовании чего и задумываться-то не надо. Если бы кто-то сказал ей, что у Коко есть свои чувства, желания, свои интересы, своя жизнь, Мими, несомненно, согласилась бы. Но какое это всё имеет отношение к ней? Коко милый. Они дружат. Мими не видела, не понимала ничего плохого, противоестественного в их отношениях.

До сего дня, вернее, ночи Мими вполне устраивало такое положение. Но сейчас всё изменилось. Ей хотелось, ей бы очень хотелось вновь почувствовать на себе те руки, те губы, вновь испытать несравнимое ни с каким опьянением состояние. Как раньше она не знала, что такое возможно!

Мими была достаточно образованна, чтобы понять природу своих ощущений. Всё очень просто – гормоны! Её тело созрело, готово к этому. Возможно, на месте того парня мог быть кто-то другой, мог быть кто угодно. Но так уж вышло. В их компании никто бы не решился нарушить неписанный закон – не уводить подруг у товарищей. А Он мог и не знать о существовании Коко или наличие соперника только раздражило его? Но теперь ничего не имело значения. Эти раз-

мышления были последними рациональными мыслями Мими. Во всём, что касалось её отношений с Ним, разум как будто покинул хорошенькую головку Мими. Так долго набравший силу гормональный взрыв сметал всё на своём пути. Мими не слышала предостережений. Она не видела обескураженное, даже не обиженное – растерянное лицо Коко.

Мими необычайно похорошела. И до этого она была очень привлекательна. Красота Мими была нежной, акварельной, спокойной. За всеми её вызывающими поступками, провокационным поведением чувствовалась милая, воспитанная девушка. Сейчас же, хоть и вела себя Мими гораздо сдержаннее, мужчины не могли спокойно пройти мимо неё. Скромно потупленные глаза вспыхивали дьявольским огнём, в полуулыбке изящных губ было столько кокетства, на восково-бледных щеках горел румянец. Вся Мими стала единый порыв, неприкрытая страсть и желание. Казалось, можно обжечься, прикоснувшись к ней.

Ничего не понявший, ни о чём поначалу не догадавшийся Коко даже не смог заговорить с ней. Он не мог узнать эту и без того сводившую его с ума девушку. Коко попытался всё-таки поговорить с Мими. Как-то объяснить. Ему казалось, он был уверен, что Мими знала о его чувствах к ней, что она тоже любит его. Никогда никого рядом с Мими не было. Он, Коко, был единственным. А теперь? Что случилось теперь? Мими даже не удосужилась выслушать, поговорить с

ним. Коко был ей неинтересен, не нужен! Да, Мими никто не нужен.

Она неслась, подстёгиваемая своими чувствами. И всё равно – гормоны это или что-то другое, предначертанный на небесах союз или плотская страсть! Мими выйдет за Него замуж! Ради этого она готова отказаться, пожертвовать всеми и всем.

Тёплые солнечные прямоугольники на паркете о чём-то напоминали. Неужели? Прошёл год? Всего лишь год? Или уже год!

Мими оглядела свою комнату. Её комнату. Вот сейчас и она расстанется с ней навсегда. Из зеркала на Мими смотрела растерянная девушка в изящном свадебном платье. Изумительные перламутровые туфельки ждали своего часа. Вот-вот за ней придут. Мими смотрела в зеркало – вглядывалась в себя. Как будто упали окутавшие её в какой-то недобрый момент чары, пелена упала с глаз.

– Что я делаю! Я не должна! – ужаснулась Мими. В открытое окно в её мозг ворвались пронзительные звуки клаксона.

– Нас ждут! Вбежала в комнату подружка.

Шошо

Пора было идти на работу. А тут Жёнушка закапризничала, захандрила. Как только их официально объявили мужем и женой, Шошо впервые, полусерьёзно, полушутя, назвал свою юную супругу Жёнушкой. Это ласковое, скорее снисходительно-покровительственное, чем насмешливое, слово, как ни странно, понравилось им обоим. И незаметно заменило собственное имя его жены. Не поймёшь их, этих женщин! Шошо позвонил на работу. Предупредил – жена заболела. Опоздаю.

На Жёнушку он сердиться не стал. Он никогда не мог на неё сердиться. Тем более сейчас. Они всерьёз «начали над этим работать». Так в их окружении говорили о попытках зачать ребёнка. Конечно, после стольких лет брака. Пора уже. Некоторые Жёнушкины подружки успели обзавестись не одним ребёнком и даже от разных отцов. Среди своих, хотя какое кому до этого дело, начали поговаривать – у кого-то из них что-то не в порядке? Не станешь же объяснять всем и каждому, даже очень «своим», что были у них другие планы, другие приоритеты. Учёба, работа, путешествия.

И вот, наконец, они решились. Может быть, Жёнушка уже беременна? Вот было бы замечательно! Им обоим претило заниматься сексом по расписанию. Было в этом что-то...

ну... не совсем то, что им нравилось. А если уже, значит, да здравствует свободная любовь!!!

Шошо всмотрелся в исхудавшее, бледное личико. «Что? Очень больно? Где? Потерпи. Ещё немного – подъезжаем». Шошо затормозил у приёмного покоя.

– Без направления врача? Температура? Рвота? – медсестра не спешила принимать Жёнушку. – Пойдите сначала к участковому.

Шошо всегда старался сдерживаться, находил общий язык. Но сейчас он взорвался.

– Мы никуда не уйдём. У моей жены сильные боли.

– Ждите. Ваше дело.

Пришли две другие сестрички. Ритуал утренних приветствий и передачи дел оказался на удивление деловым и коротким.

Шошо посмотрел на часы. Конечно! Пересменка! Это надо же так попасть! И тут началось! Приняли бормочущего старика, парня с поломанной ногой, вопящую толстуху, еле прикрытую халатом в розовых цветочках.

– Поедем домой. Пожалуйста, – потянула Шошо за рукав Жёнушка. – Я больше не могу здесь сидеть.

Её серое личико, покрытое бисеринками пота, было сплошная боль и страдание.

– Посиди. Я скоро.

Дежурный врач, молодой парень, так и не передохнувший

после ночного дежурства, попытался успокоить Шошо. Но когда было очень надо, Шошо умел добиваться своего.

– Ладно. Только быстро.

– Где болит... Когда... как... а здесь?..

Быстро, но внимательно врач осмотрел Жёнушку. Задал несколько, как показалось Шошо, не относящихся к делу вопросов.

– Надо сделать анализы. Вы пока полежите. Дадим обезболивающее.

– Обезболивающее? Но если я беременна... – забеспокоилась Жёнушка.

– Беременна? Ах да – беременна... – как будто сразу не поняв, о чём его спрашивают, протянул врач. – Надо разобраться. Сделаем анализы. Отдыхайте пока. Всё образуется, – смущённо улыбнулся, обращаясь к Шошо, врач.

Обезболивающее подействовало быстро. Когда Шошо вошёл в палату, куда её перевели, Жёнушка, чему-то ласково улыбаясь, дремала. Шошо снова позвонил на работу, предупредил, что в больнице с женой.

– Пока ничего не известно. Но сегодня, скорее всего, – он прикинул время, – уже не появлюсь.

Через пару часов Ляля проснулась отдохнувшая и пове-

селевшая.

– Мы – домой. Спасибо, – засобиралась Жёнушка.

Но их не выписали. Тот же молодой врач-интерн пригласил в ординаторскую. Даже тогда они ещё ни о чём не начали подозревать. В ординаторской им представили ещё двоих: мужчину – какого-то профессора и милую женщину неопределённого возраста.

– У вас неважные, прямо скажем, очень плохие анализы. Мы переводим вас в отделение. Необходимо всё уточнить. Мы проведём дополнительные проверки и тесты. Нужно ваше согласие.

– Что с ней? Какой диагноз?

– Пока ещё не всё ясно... Нужно время...

– Говорите, пожалуйста, всё как есть.

Жёнушка, казалось, готова была выслушать всё, даже самое... Но когда это «всё» – конечно, с оговорками о необходимости уточняющих анализов, процедур и прочего – было сказано, она мгновенно сникла. Шошо не мог этого вынести.

– Как вы смеете такое говорить! Она молодая женщина. Мы собираемся завести ребёнка!

Сколько и какие слова он наговорил тогда, Шошо не помнил. Но в какой-то момент женщине, она оказалась социальным работником, удалось остановить его. И Шошо вдруг

осознал, что Жёнушка не проронила ни слова. Его бойкая, острая на язык жена как будто окаменела.

– Поезжайте домой. Отдохните. Обдумайте всё, что мы сказали. И возвращайтесь. Не тяните, – напутствовал их профессор. – Мой телефон. В любое время, с любым вопросом – звоните.

Шошо автоматически взял протянутую женщиной карточку.

Всю обратную дорогу они промолчали. Они вернулись в свою старую квартиру, в свою новую жизнь.

– Я не верю, – первое, что сказала Жёнушка. – У меня ничего не болит. И возвращаться туда я не собираюсь. Давай всё забудем.

– Хорошо, – Шошо ни о чём не мог сейчас думать. Он тоже отказывался поверить, признать. И готов был согласиться с Жёнушкой в чём угодно. – Что за вопрос! Мы сделаем так, как ты хочешь!

– Не смотри на меня так!

– Как так?

– Ты думаешь, что я скоро умру, и жалеешь меня!

– Ох, и глупая же ты. Ни о чём таком я не думаю. С чего бы это! Они и сами ничего толком не знают. Просто пугают. Перестраховываются.

– Так ты думаешь, что надо вернуться?

– Да не думаю я так. Больше делать мне нечего. Я вооб-

ще думаю, куда бы нам поехать поужинать. Дома-то у нас, хозяйка, шаром покати.

Чего уж – Жёнушка не очень любила готовить. И сейчас Шошо специально «задел» её самолюбие хозяйки. Ему хотелось отвлечь Жёнушку от этих страшных мыслей. Он слишком хорошо знал её.

Конечно, думает. Конечно, не сможет забыть. Как о таком можно не думать? Как такое можно забыть! Холод поднимался из самых глубин его существа. Вот-вот доберётся до сердца. Он не может, не должен позволить себе бояться. Шошо улыбнулся.

– Поехали!

– Наше место?

– Конечно! Куда же ещё.

Они заказали самые любимые блюда Жёнушки. Обманывая самих себя, не сговариваясь, говорили о чём угодно, о всякой всячине, всяких милых, нейтральных пустяках, то и дело мысленно натываясь, обходя не дающий ни одному из них покоя вопрос. Но насладиться вечером им так и не удалось. Пока Жёнушка крепилась, пытаясь скрыть, как ей больно, Шошо старался не показать, что замечает, что боли вернулись.

– Извини. Испортила вечер. Вернёмся, – белыми, пере-

сохшими губами попросила Жёнушка.

– Хорошо, милая. Домой так домой. Шошо был согласен ехать с ней, везти её хоть на край света.

Они вернулись. Дома как будто стало легче. Но ненадолго. Это ужасно! Шошо корчился от невозможности помочь любимой. Несколько раз он пытался уговорить Жёнушку поехать в больницу.

– Нет! Нет! – она и слышать об этом не хотела! Но наконец, вымотанная бессонной ночью боли, согласилась.

В этот раз их приняли без долгих заполнений документов. Жёнушку ждали в отделении.

Не может быть! Прошли всего сутки! Всего – сутки! Целые сутки! Вот бы остаться там – день назад! Не знать, не пережить всего, что случилось! Где та прежняя счастливая жизнь! Всё изменилось! Как поверить в такое!!!

Шошо оставил Жёнушку в палате.

– Не уходи. Не оставляй меня! – ни за что не хотела она отпускать его.

– Я только позвоню на работу. Привезу тебе вещи.

– Нет, не уезжай. Звони отсюда. Кто-нибудь привезёт вещи. Я попрошу маму.

Они ещё не говорили о том, как и будут ли вообще рассказывать родителям.

Но Жёнушка всё решила, понял Шошо. Это её право. Теперь всё будет только для неё. Пусть только поправится! Пусть вернётся домой! Решив так, Шошо почувствовал хоть какое-то облегчение. Он не отступится. Они будут вместе. Всё наладится. В то мгновение он не думал – да и кто мог об этом знать – сколько времени продлится эта «война». Каких жертв она потребует. Даже мысли, что они смогут потерпеть поражение, у Шошо не возникло.

И каждую минуту, каждый час, изо дня в день, из месяца в месяц Шошо не оставлял её, делал всё, чтобы помочь, поддержать, подбодрить. Всё было забыто, заброшено. Отошло на второй, третий план. Не существовало для Шошо ни работы, ни своих интересов, ни семьи, ни друзей. Не было того, чего бы они ни испробовали, не было специалиста, к которому ни обратились бы.

В какие-то моменты казалось – вот оно! – найдено подходящее лекарство. Ещё немного, и всё наладится. Но и это «чудо-средство» не помогало, и это «светило» науки не мог предложить ничего... Шошо был слишком близко, слишком внутри, чтобы заметить, как изменилась Жёнушка, как изменился он сам. Ему казалось, что они по-прежнему вместе. Ищут выход, борются. Но Жёнушка смирилась. Что-то главное устало, «сломалось» внутри. Жажда жизни, желание выжить, победить оставили её до неузнаваемости исхудавшее,

лишь отдалённо напоминающее её прежнюю тело. Она не верила, не хотела, у неё не было больше сил. Ни на что. Кажется, смирились все. Только не Шошо. Он один не отступал. Искал и приглашал всё новых специалистов, находил всё новые и новые лекарства. Никто не осмеливался даже намекнуть ему, что... всё. Что пора прекратить. Что пора смириться с неизбежным.

Но она не должна была уйти! Не должна была оставить его одного! Столько ещё всего не сделано! Столько не договорено! Недолюблено!

Шошо выбрал для любимой место на склоне небольшого холма. Отсюда ничем не закрытый открывался прекрасный вид. Здесь было всё, что Жёнушка любила при жизни, – воздух, солнце, ветер. Проводить её в последний путь пришло много людей. Так много... Он ведь никого не звал... Но как-то узнали... Пришли. Кто-то что-то говорил, кто-то плакал, кто-то...

Шошо никого не видел и не слышал. Спроси его потом, кто был, нет, Шошо не вспомнил бы никого. Он и сам что-то делал, что-то говорил, куда-то шёл. Но всё это было снаружи – не задевало, не оставляло следа внутри.

Внутри Шошо говорил, никак не мог прекратить их раз-

говор с Жёнушкой. Он рассказывал ей о прекрасном солнечном дне, о небе в лёгких облачках, о наполненном ароматом цветущих деревьев ветре. Да мало ли о чём могли говорить два любящих сердца.

Только когда на свежий холмик легли последние цветы и венки, Шошо перестал слышать её голос. Ему хотелось, чтобы побыстрее ушли все эти люди. Они мешали ему слышать свою Жёнушку. Мешали разговаривать с ней. Ему так много надо ей ещё сказать.

Наверное, когда сядет солнце, пройдёт эта самая длинная, самая страшная в его жизни ночь и наступит новый день, Шошо попытается осознать и принять всё, что с ними произошло, всё, что они пережили. Попытается смириться. Но пока оставьте меня – молил измученный угасший взгляд Шошо. Он оправится. Пойдёт дальше по жизни. Время, возможно, заставит многое позабыть. Рана – огромная, зияющая, пульсирующая нестерпимой болью рана – затянется. Но он всегда будет помнить, будет любить её. Что бы ни случилось. В лёгком облачке будет видеть её улыбку, в шуме прибоя – слышать её смех. Среди суматохи сметающей всё на своём пути жизни – будет внезапно ловить на себе её взгляд. Что бы ни случилось.

Возможно... Кто знает, как и что будет...

Нене

Опять о ней вопят во всех передачах. Её имя – одно из самых популярных. Ни один таблоид его не пропустит. Неужели им больше не о чём писать! Когда, наконец, они оставят её, всё и всех, кто с ней связан, в покое! Нене готова была «взорваться». Но она отлично знала – такой опыт, как у неё, зря не даётся – что не должна реагировать. Никаких комментариев, интервью, подтверждений или опровержений. Ничего эти шакалы от неё не получают.

Нене сама была частью этой «машины», этого Молоха, перемалывающего людские судьбы и требующего всё новых и новых жертв. Да, она работала, продолжает работать в средствах массовой информации. Да, не всегда и не со всеми была она сама корректна! Но это не значит, что они сейчас могут позволять себе всё что угодно! Что Нене позволит им всё что угодно!!!

На экране мелькнуло знакомое личико. Что делает эта дурочка?! Зачем?!?! Надо быть или слишком наивной, или расчётливо подлой, чтобы почти хвастаться своим – их общим – счастьем! И где! На этой программе! У этой ненавидящей Нене всеми фибрами души ведущей! Их соперничество, переросшее во вражду, началось так давно. Нене не помнит, почему они поссорились, из-за чего возникла зависть. И не та – «хорошая» профессиональная зависть-злость, а вульгар-

ная бабская зависть. Что уж было в ней такого особенного, чтобы завидовать по сию пору, – большой секрет для Нене. Это, скорее, она должна была бы завидовать обеспеченной, налаженной жизни остальных.

Сколько себя помнила, Нене всегда нравились девочки. В первом классе она часами могла любоваться кукольным личиком, голубыми глазками толстушки – соседки по парте. Нене так хотелось её потрогать, погладить. Так хотелось, что однажды она изо всех своих хилых силёнок как толкнула этот сдобный мягкий колобочек! Сколько было шума, слёз, увещеваний и обещаний! Даже сейчас Нене доставили удовольствие воспоминания.

Фу, как стыдно... ли? Потом была ещё одна – хрупкая, нежная одноклассница. Не только мальчишкам хотелось её защищать и оберегать. Нене с радостью отколотила бы всех плящущихся на её кумира дураков. Но кумиру нравилось внимание именно этих ничего для Нене не значащих мальцов. Эх, если бы так было только один раз!

Девочкам не очень нравилась дружба, которую навязывала им Нене, её забота о них. Гораздо веселее было с визгом спастись от мальчишек-приставал, чем терпеть обожание и прикосновения Нене. Очень активная и независимая, Нене не считала себя чем-то хуже или слабее мальчишек. Она ввязывалась в любую рискованную авантюру, в любое предпри-

ятие, где требовались смелость, ловкость, решимость. Если не девочки, так пусть хоть мальчишки оценят меня. Но нет.

Мальчишки принимали Нене в свои игры. Но не в свои друзья. Она была какой-то странной, непонятной. Зачем? Их больше интересовали кривляки-интриганки-неженки. С ними мальчишки были героями, защитниками, покровителями.

Оставались книги, фильмы. Но и их Нене предпочитала о смелых, решительных героях. Видела себя в мечтах защитницей, путешественницей, даже воином. Не интересовали её девчоночьи проблемы. Их разговоры казались Нене пустыми и глупыми. Никак не находила она общих интересов, общих тем. О чём можно с ними говорить!!! Ну а когда наступил возраст жениховства! Нене претила одна только мысль, что кто-то будет выбирать её! Почему она не может выбрать того, кто ей по нраву! И несколько раз Нене попыталась. Как же это было ужасно! И стыдно. Лучше не вспоминать. До сих пор она краснеет и внутренне сжимается, вспоминая недоумение, недоверие, насмешку, пренебрежение, наконец, во взглядах своих избранников. Лучше бы кто-то ударил! Парням не нравилась её активность, настойчивость. Они должны были быть хозяевами положения. Никто не хотел отдавать первенство ей.

Пусть так. Нене не желала больше унижений. Она целиком ушла в работу, в выбранную случайно, но оказавшейся такой подходящей ей профессию. Здесь Нене могла быть та-

кой, какой хотела, такой, какой была. Вот уж где она могла дать волю своей буйной фантазии, своему темпераменту.

Нене стала актрисой. Характерной актрисой. Рассмешить, заставить задуматься, смеяться, плакать – это было её! В этом Нене нашла себя, преуспела, завоевав массу поклонников, покорив их сердца. Именно околотеатральная среда, то, что называли «тусовка», открыла Нене самую себя. Здесь она встретила ту, в чьей душе нашла отклик, у которой оказался в сердце уголок и для Нене. Это была зрелая опытная женщина. Она долго присматривалась к Нене, приручала её, боясь испугать, отыскивая то, что позволило бы им сблизиться. И наконец, открылась. Она первая показала Нене всю бездонную пропасть сильных природных чувств и эмоций. Она открыла Нене для настоящей жизни, вызвав шок, восторг, упоение.

Как и всякая, за редким исключением, первая любовь, первый любовный опыт Нене оказался трагичным. Она, наивная и неопытная, быстро наскучила своей старшей подруге. И начала она эти отношения в какой-то мере, чтобы позлить свою постоянную партнёршу. Известие об этом почти уничтожило Нене. Она была на грани нервного срыва. Коллеги серьёзно опасались за её жизнь. Но и в этот раз Нене не поддавалась, не дала себя сломить. Что ж, чем хуже, тем лучше. У неё уже была, хоть и не очень толстая, броня извест-

ности и обожания зрителей.

Время прошло – время, которое, как известно, всё лечит – и Нене даже с благодарностью вспоминала свою «первую учительницу». Всё-таки именно ей была она обязана своей свободой, своим постижением самой себя. А неприятности – сколько их было и наверняка будет ещё в её жизни. А пока Нене крутила своё колесо. Теперь она выбирала партнёрш. Это она, не давая ни им, ни себе времени привыкнуть и сжиться, первая бросала не понимающих, что происходит, подруг. Сколько таких историй, сколько грязных сплетен, идиотских выдумок пережила Нене. Сколько обиженных женщин было теперь и на её счету. И продолжалось бы так – от одной мимолётной привязанности к другой, от одного непристойного скандала к другому, не встретить Нене Её.

Нене мало волновало то, что пишут о ней или её партнёршах. Каждая, даже самая невероятная, «утка» была для неё бесплатной рекламой, лишним упоминанием её имени, возможностью ещё раз напомнить о себе, поддержать процент (слово-то какое) своей популярности на должном уровне. Партнёрши? Кто о них думал! Девушки знали, на что шли, связываясь с Нене. Каждая из них преследовала свои, зачастую не самые моральные, цели. И каждая получала то или почти то, на что рассчитывала. Имя на первых полосах, интервью, деньги.

Почему же сейчас Нене так задевает то, что говорит с экрана это милое, с ангельским личиком создание! Какая разница, что рассказывает об их отношениях эта глупышка! Но разница есть. И она в том, что Нене привязалась, близка – назовите это как хотите, только не упоминайте слово «любовь» – к этой молодой актриске.

Обжѣвшись один раз, Нене не позволяла себе «увлекаться». Чётко проводила границу в том, что позволено каждой из её многочисленных пассий. Да, она меняла девушек без конца. В этом ей тоже не было равных. Кажущаяся доступность Нене, то, что она помогала – не её вина, что не у всех это получалось, – продвинуться своим любовницам, влекло к ней всё новых и новых девушек. Они считали за честь, за огромную удачу покрасоваться рядом с Нене на званом приеме, получить свою порцию известности. Эти пустышки не могли по-настоящему привлечь Нене, завоевать её сердце.

Иногда, задумавшись о своей, как говорила её мама, беспутной жизни, она сравнивала себя с пересытившимся бонвиваном. Это и смешило, и убивало её. Вечные вопросы «почему» и «зачем» не давали Нене покоя. Ведь есть даже однополые пары, которые сохраняют союз долгие годы. Даже позволяют себе завести ребёнка. Нене так хотелось ребёнка!

В отличие от других, эта девушка не бегала за Нене, не искала её общества, не забрасывала сообщениями, не досаждала звонками. Она только смотрела огромными голубыми

глазами... Эти глаза, это кукольное личико, свежий приоткрытый ротик заставили Нене вспомнить ту её соседку по школьной парте. При каждой встрече – теперь Нене искала и, не желая отдавать себе в этом отчёт, подстраивала «случайные» столкновения – она испытывала всё те же сладкие, на грани дозволенного чувства и желания. То, что Нене не могла, нельзя было тогда, сейчас – о, сейчас – она могла себе позволить! Так хотелось провести рукой по гладкой, бархатистой коже лица, ощутить аромат тяжёлых медовых волос, сжать упругое молодое тело, впитать сладость невинных губ. Это было ужасно, недопустимо – эти мысли, эти чувства.

Нене изо всех сил старалась не поддаться наваждению. Но когда всё это стало являться, преследовать Нене не только днём, когда она почти не могла совладать с собой – вдруг посередине важного разговора или в разгар представления – Нене поняла, что дольше так продолжаться не может, что надо что-то делать.

И она рискнула поговорить с юной плутовкой. Голубые с поволокой глаза ничего не выражали, на ангельском личике не проступило ничего. Никакой реакции – ни плохой, ни хорошей. Нене терпеливо ждала. Ждала несколько дней, почти неделю. Она готова была принять любые условия. И в случае отказа девушке ничего не грозило. Просто Нене пришлось бы искать... что-то другое.

Но нет, она согласилась. Согласилась просто и буднично. Словно речь шла о чём-то обычном и само собой разумеющемся. Радости Нене, её тихому ликованию не было границ. Наконец-то у неё есть то, о чём она и помыслить не смела. Наконец и её жизнь наполнилась смыслом. Наконец и у неё есть будущее. Даже мама приняла новую подругу Нене. Впервые не назвала ту, которая была рядом с её дочерью, бесстыдницей.

И вот – это!!! Такое!!! Любимые, ничего не выражающие глазки блестят в свете ярких студийных ламп. Как она смеет! По самому сокровенному, самому больному!

Кто ей дал право, этой девчонке!

А как я могла приблизить её к себе, как открылась, доверилась? Как позволила??? Она отдала ей не только дом, дала не только обеспеченность и известность. Нене отдала ей своё тело, свою независимость, отдала свои мысли, поделилась надеждами и мечтами. Она открыла перед ней свою душу, позволила прикоснуться к самому сокровенному. Да, она ждала, хотела чего-то взамен. Но Нене надеялась на понимание, дружбу, ласку, душевную поддержку. И что получила! Что заставило её пойти на это интервью? Почему она это делает? Как её язык может произносить эти слова! Как она может говорить об этом! И говорить так? Почему! За что мне это!!! Нене запустила тапочкой в огромный экран плазмы.

Как всегда, как обычно, как из раза в раз, на слёзы и вопли не было времени. Нене ждали. У неё не было дублёрш. Трудно найти кого-то равного Нене по силе темперамента, по полноте самоотдачи на сцене. Никто не хотел подставлять себя под критику сопоставлений и сравнений. Кому это надо – тягаться со вздорной, кошмарной Нене! Такое мнение бытовало о ней в среде коллег. Но что бы о ней ни думали, Нене не могла сорвать представление, не могла себе этого позволить. Без денег останутся её партнёры, все, кто так или иначе связан с этим вечерним шоу. Среди них, конечно, есть такие, которые не любят Нене. Есть те, кто только позубоскалит, порадуеться тому, что с ней случилось, посмакует бесстыдно описанные, самые интимные подробности. Никто и не узнает, чего, какой боли, каких усилий будет стоить ей сегодняшнее шоу. Но никого и не касается её душевное состояние.

Играть – это её долг, её работа. Нене оставит слёзы и разочарование, обиду и унижение дома. С ними она успеет разобраться. А вот боль? Как быть с болью? Боль Нене возьмёт с собой. Ещё одна боль, ещё один опыт, они помогут ей быть ещё ослепительнее, ещё виртуознее. Она вложит боль в слова роли, в жесты – опыт. Люди поверят, поймут её. Нене не придётся ни в чём оправдываться, ничего доказывать и ни о чём просить. Она найдёт в себе силы. А после, поздно ночью подумает о том, как завести ребёнка. Не взять брошенного младенца из дома малютки или кого постарше из детского дома. Нет, Нене хочет своего родного, кровного. Сейчас для

ЭТОГО ЕСТЬ МНОГО ВОЗМОЖНОСТЕЙ.

Джиневра

Шофэр сдал багаж и проводил её до паспортного контроля. Джиневре предстоял долгий перелёт, а он уже стар и у него «водитель ритма» – далеко с этим не улетишь.

Джиневра не подала Шофэру руки для прощального поцелуя и даже не обернулась, пройдя контроль.

Как она была зла! Из-за этого старикашки приходится лететь одной! Ни удобное кресло в зале для VIP-пассажиров, ни отличный коньяк не улучшили, да и не могли улучшить её настроение. Она не оставила чаевые, отказалась от сопровождения стюарда. Вышколенный за многие перелёты персонал лишь недоумённо переглядывался.

Ведьма – так они называли Джиневру за глаза – окончательно спятила. Обычно она гоняла и их, и своего почтенного спутника как только могла. Сегодня что-то с ней не ладно. И мистера сопровождающего нет. Кто-то из сервиса поспешил предупредить знакомую стюардессу.

На борту лайнера Джиневру встретили с повышенной учтивостью и предупредительностью. Но ведьма была недовольна всем! Кресло, еда, питьё, свет, шум моторов, внешний вид стюардесс, их акцент. Всё раздражало Джиневру. Всё было не так и неправильно! Наконец, сорвав своё недовольство и раздражение на всех и вся, она успокоилась. Конечно, это безобразие – то, как она себя ведёт, как разгова-

ривает. Даже за те деньги, что Джиневра им платит, никто не обязан всё это терпеть. Но она довольно усмехнулась, ещё не совсем выжила из ума – придумать все эти придирки тоже надо уметь. Соображаю. А раз соображаю, значит, лечу туда в последний раз. Что ж поделать, если её Империя разбросана по всему миру. И время от времени где-то требовалось её присутствие, вмешательство.

Возникали вопросы, решить которые могла лишь она. Прodelать такой утомительный путь и вдобавок одной! Стоит ли это того? Настолько ли важно то, в чём она должна разобраться. Джиневра была уверена – всё в Империи управляется и решается наилучшим образом. От неё потребуются лишь формальное подтверждение какого-то важного решения. Давно уже Джиневра ни во что не вмешивается. Все просто подыгрывают ей. Они думают, что она уже мало что видит и понимает. Наверное, пришло время всех разочаровать.

Единственное, что более-менее примирило Джиневру с поездкой – там живут дети. Можно заодно и повидаться. Конечно, материнские чувства и всё такое. Как же – она девять месяцев носила, потом рожала, кормила грудью, растила, воспитывала, помогала получить образование. Всё как у всех. Но так давно все уже большие и самостоятельные. Даже внуки. У каждого своя жизнь. Связи потихоньку истончаются.

Стюардесса принесла ещё один плед, поинтересовалась,

удобно ли ей, не откинуть ли больше кресло. Джиневра от всего отказалась. Назойливая неискренняя забота раздражала, мешала сосредоточиться.

Думала она о том, что, пожалуй, не стоит заставлять детей ждать её смерти. Можно и при жизни отдать каждому то, что наметила. Этот дурацкий, неплановый полёт, понимание, что пришлось оставить больного человека, не давали ей покоя, бесили Джиневру. Как только прилечу, тут же всё и отдам. Давно надо было это сделать! Принятое решение сняло напряжение, принесло спокойствие.

Всегда так – нервничает, дёргается, не находит себе места, мучает окружающих – пока не договорится сама с собой, не найдёт, устраивающее её решение. А потом! «Море по колёно!» Всё идёт отлично!

Джиневра протянула руку, но... не ощутила привычной тяжести походной фляжки. Что за дела!!!! Она обернулась, готовая сказать ему всё, что думает о забывчивых старикашках. И никого не было! Господи! Он же остался! И такой старый и больной. Нет, совсем она из ума выжила – оставить его одного! Это кажется всем, что он ей прислуживает. На самом деле... Хотел бы – давно ушёл. Надо возвращаться. Джиневра с силой вдавила кнопку вызова стюардессы. Могла бы и просто позвать. У неё была личная стюардесса. Она сидит где-то рядом за перегородкой. Но голос у Джиневры нежный, тихий – за шумом моторов могут не услышать. А

звонок – он мёртвого подымет!

– Я хочу вернуться! – заявила Джиневра, ничуть не удивлённой стюардессе.

От этой мадам-ведьмы можно ожидать чего угодно.

– Это невозможно, мадам.

– Как это – невозможно! Не ты решаешь. Зови главного!

«Они знают, что со мной бесполезно спорить. Я вернусь и всё решу через интернет. Раньше могла бы додуматься. И ни один умник не подсказал. С мозгами у меня всё отлично».

– Приветствую мадам на борту нашего...

– Спасибо. Потом расскажешь, – остановила Джиневра вытянувшегося во фрунт молодого мужчину в красивой форме.

«Не завести ли Шофэру форму? Нет, не стоит. Если до сих пор обходились...» – отвлеклась на мгновенье Джиневра. Она всегда любила хорошо одетых интересных мужчин.

– Я хочу вернуться. Поворачивайте обратно.

– Никак невозможно, мадам.

– Как это невозможно? У меня возникли дела. Я должна вернуться.

– Сожалею, мадам, но это не частный рейс.

– Что значит – не частный!!!

– Обычный рейс, мадам. Вы скупили все VIP-места. Но на основании этого рейс не стал частным. В остальных салонах тоже есть пассажиры. Сожалею. Мои извинения, мадам. Мне необходимо вернуться в кабину.

Это просто безобразие! Дело было настолько срочное! Решение лететь она приняла буквально за минуту. Теперь понятно. Полностью самолёт зафрахтовать он не мог. Вот и скупил все места. Чтобы ей было удобно и спокойно. И привычно. Привычно? Но ей привычно с ним. Вот растяпа. Даже не предупредил. Конечно, все уверены, что это Шофэр прислуживает, ухаживает за ней. На самом деле что бы он делал без Джиневры! Это она обо всём заботится, обо всём думает, всё планирует. Он только исполняет и соглашается. И даже на дурацкое Шофэр не обижается. А с чего бы ему обижаться! Ничего личного в этом Шофэре не было.

Тогда, только начиная свой победный путь наверх, Джиневра изо всех сил стремилась отстоять свою, как она её в то время понимала, независимость. В ход шли все, даже самые «не конвенциональные» средства.

Как-то, теперь и не припомнить причину, ей захотелось позлить-«подзадорить», так она любила говорить, своих новых знакомых, ужасных снобов. Как ни странно, Джиневре это удалось. Но и сакраментальное Шофэр прижилось, прилипло к образу всегда подтянутого, даже в молодости чуть старомодного мужчины. Казалось, все и позабыли, как его звали на самом деле. Но Джиневра – она помнила. Как можно забыть имя своего шофёра, охранника, домоправителя, няньки, секретаря! Кем только за долгие годы служения ей

не был этот до глупости влюблённый в Джиневру юнец.

Они познакомились совсем молоденькими. Он был старше. И вот не повезло – влюбился. А она? Всё было честно – сразу заявила: и не надейся! Прошло время, судьба столкнула их вновь. И он стал поверенным её любовных романов, вёл счёт её победам и неудачам. Он помогал воспитывать детей, встать на ноги, создать Империю. Он пожелал ей счастливого пути. А она даже не обернулась! Бросила его, как старого больного пса! И кто она после этого? Джиневра до крови сжала кулаки и зарычала. Господи, как можно быть такой глупой, бездушной...

Додумать она не успела. Самолёт тряхнуло. Мигнув, с треском потух навсегда свет.

Короткое замыкание, отказ мотора и вспыхнувший в багажном отделении пожар, произошедшие в зоне повышенной турбулентности. По заключению специалистов, обследовавших немногочисленные обломки (чёрный ящик всё ещё не найден), совокупность всех этих факторов привела к взрыву, разрушению в атмосфере и крушению авиалайнера.

Эти сведения я смог почерпнуть из монотонного бурчания старинного приёмника в мазанке Хома да разговоров собутыльников. Для них это было лишь какое-то событие далёкой и малопонятной, а потому и неинтересной жизни. Для меня же тот трагический миг имел огромное значение.

Я уже писал, что Кристалл является средством аккумуляции, сохранения и передачи собранной Служащим информации. Но наиглавнейшей задачей и предназначением Кристалла является сохранение интеллектуальной сущности Служащего. В Зале Теней каждого из нас ожидает лишённое сущности тело. Мы, Служащие Особого отряда, знаем и уверены, что с помощью индивидуальных Кристаллов обязательно вернёмся в свои тела. На этой вере и доверии и выстроена вся безукоризненная работа Службы.

До этого случая – закрались необоснованные сомнения, что нас не обо всём информируют – всё шло хорошо. Если разбираться, аварию в воздухе невозможно было предусмотреть. Роковое совпадение – нахождение тела Хозяина в точке Z возможно с невероятно малой вероятностью. Без Кристалла я бессилён назвать точную цифру. Считаю, что Кристалл принял верное решение и осуществил единственно возможный в той ситуации переход.

Переход не был подготовлен. Новый Хозяин не проверен и не выбран в соответствии со стандартами. Но, повторяюсь, это было единственное решение в сложившейся аварийной ситуации.

В тот день Хом рыбачил в досягаемости действия Кристалла. Его лодка находилась в невыгодном (мне приходит-

ся употреблять местные термины) для передачи положения. Ставя во главу угла сохранение и безопасность сущности Служащего, Кристаллу удалось «вложить» меня в тело нового Хозяина.

Сразу после аварии, когда я только взялся за записи, я думал, был на сто процентов уверен, что дождусь Спасательной экспедиции Службы. Но вот прошло совсем немного времени, и, к сожалению, я понял, что неверно оценивал ситуацию. Без поддержки Кристалла мне ни за что не дождаться помощи. Без помощи я не знаю, как долго смогу сохранять свою сущность. Правила Службы, в данном случае Правила Посещения, разрешают достаточно длительное параллельное существование интеллекта Служащего с интеллектом Хозяина. Но в данном случае, при чрезвычайных обстоятельствах, когда на меня легла ответственность за выполнение и завершение моей миссии, неразвитый интеллект Хозяина является помехой. Долго подавлять его я, как законопослушный Служащий, не имею права. Да и не смогу – без подпитки Кристаллом силы мои тают. И так уже кое-где простая грубая натура Хозяина незаметно берёт надо мной верх. Не могу предположить, когда, на каком этапе я совершенно растворюсь, сольюсь с сущностью Хозяина – старика Хома. Посему спешу сделать ещё несколько заявлений.

Ещё раз хочу подчеркнуть и объяснить – цели нашей Службы, как и всего Сообщества, самые гуманные. Мы по-

кидаем свой мир, свой дом, своих родных, даже свои тела и отправляем свои Сущности к далёким планетам в поисках ответов и решений.

Мы изучаем чужую жизнь с тем, чтобы сделать лучше собственную. И если такое случится, мы хотим иметь возможность помочь приютившим нас Хозяевам.

Служба у нас непростая. Не так уж много у меня коллег, разбросанных по разным уголкам Галактики. Мне выпала эта планета. К сожалению, обстоятельства прервали моё пребывание здесь и успел я познакомиться только с несколькими Хозяевами. О некоторых из них, о связанных с ними отрывочных воспоминаниях, случайным образом вырванных из контекста общей памяти, я записал кое-что корявым почерком старика Хома. На всякий случай, если Кристалл не будет найден. И по счастливой случайности, мои записи не пропадут и дойдут по назначению.

Вряд ли я дожусь результатов полноценного оценочного анализа. Поэтому выскажу своё мнение: «Все мои Хозяева оказались самобытными и достойными Сущностями».

Первоочередная моя задача – пока более простой, а значит и более устойчивый, интеллект Хома не подавит мою Сущность – успеть надёжно спрятать записи. Их должны обязательно найти.

К сожалению, я теряю себя с ужасающей быстротой. Всё труднее удерживать нить рассуждений, возможно, путаюсь

в понятиях. Растворятся, стираются мои собственные воспоминания. Как-то пытаюсь сориентироваться в сумбуре переплетения Сущностей. Почти не получается. Необходимо за что-то зацепиться, обо что-то опереться. Слова! Стимулирующие волю, будящие сознание. Я знаю, помню – такие слова есть!

У нас, у нашей Службы есть Гимн. Песня, с которой мы провожаем и встречаем товарищей. Наша песня звучит и в радостные, и в траурные дни. Мне хочется вспомнить... Но всплывают, всё заслоняют совсем другие звуки, другие слова...

Один из моих Хозяев, одна из Сущностей – имя я тоже не могу уже осознать, постоянно припевал, бурчал, проговаривал:

...Я свободен, словно птица в небесах!

Я свободен, я забыл, что значит страх!

...

Надо мною – тишина,

Небо, полное дождя,

Дождь проходит сквозь меня.

Но боли больше нет.

Под холодный шёпот звёзд

Мы сожгли последний мост

И все в бездну сорвалось,

Свободным стану я
От зла и от добра,
Моя душа была на лезвии ножа.

...

Я свободен – с диким ветром наравне!
Я свободен наяву, а не во сне!

Надо мною – тишина,
Небо полное огня,
Свет проходит сквозь меня
И я свободен вновь...¹

¹ Валерий Кителов. Песня «Я свободен».